

© 2013 г. Л.М. Рафаэлов

УДК 7.01

МЕТАФОРЫ СУДА В КУЛЬТУРЕ

Суд есть одно из тех явлений культуры, которые организуют человеческую жизнь на протяжении очень многих веков. Этот феномен сложен, но чрезвычайно значим для человека. А потому реальность суда как фрагмента культурного универсума фиксируется не только в понятийных структурах мысли, но и на уровнях переживаний и ассоциаций, которые опираются на прямые и переносные значения слов, на яркую в своей образности гамму смыслов культуры.

Изучение феномена суда приобретает особое значение для комплекса юридических наук и отображается системой понятий «правосудие», «судопроизводство», «судебная власть», «судебная система», «судебная процедура». Однако культура содержит огромный пласт идей и образов, связанных с судом, но выходящих за пределы чисто юридических измерений данного феномена. Это метафоры суда, функционирующие в общественном сознании «Пересечения смысловых пространств, которые порождают новый смысл, – пишет Ю.М. Лотман, – связаны с индивидуальным сознанием. При распространении на все пространство данного языка эти пересечения образуют так называемые языковые метафоры. Последние являются фактами общего языка коллектива. На другом полюсе находятся художественные метафоры. Здесь также смысловое пространство неоднозначно: метафоры-клише, общие для тех или иных литературных школ или периодов, метафоры, переходящие постепенно из тривиальной области в область индивидуального творчества, иллюстрируют разные степени смыслового пересечения. Предельной является в данном случае метафора принципиально новаторская, оцениваемая носителями традиционного смысла... ..постоянно действующий процесс «старения» различных способов смыслопорождения компенсируется, с одной стороны, введением в оборот новых, прежде запрещенных, а с другой – омоложением старых, уже забытых смыслопорождающих структур» [1, с. 27]. Метафориче-

ское выражение темы суда в культуре практически не стареет: возникнув еще в античности и средневековье, ряд метафор, связанных с судом, по сей день успешно функционируют, вызывая в умах и сердцах наших современников множество моральных, психологических и мировоззренческих переживаний.

Важнейшей частью культуры стали такие метафоры как «Страшный суд» (в Загробном мире), «Высший суд», «Суд истории», «Суд совести». Метафорическое осмысление данного феномена опирается на образы поединка, состязания, выигрыша и проигрыша, резких перемен и взвешивания человеческой сути, сцены и судьбы. Неукрощаемо стремление фольклора и искусства, отображающих суд, судебный процесс и его участников в образно-метафорической форме, постигнуть суть данного феномена и способы ее проявления в мире человека. Как соотносятся теоретическое и метафорическое видения феномена суда? Может ли метафорическое мышление обогатить теоретическую модель суда или они существуют в разных измерениях, не взаимодействуя друг с другом? Необходимо обрисовать одно из возможных направлений осмысления природы суда как культурной реальности.

Пониманию фундаментальных свойств этой реальности, также как и природы метафорического мышления, его своеобразной логики и механизмов, очень многое дает анализ тех достижений теоретической мысли, которые сделаны в области социальной философии и теории культуры. Здесь необходимо выделить замечательное открытие К. Леви-Стросом логики древнего мышления, суть которой заключается в оперировании бинарными оппозициями [2]. Его исследования позволили известным российским философам, культурологам, социологам А.С. Ахиезеру [3], Ю.М. Лотману [1], А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко [4], В.Г. Панову [5] и другим создать и развить концепцию культуры как конфликтно-дуализированного мира.

Философы утверждают, что организующим принципом любой структуры являются отношения бинарности и это явление представляет собой универсальный код развития культуры. Связь сторон культурной оппозиции обеспечивается посредником или их цепочкой – вещами, действиями, отношениями, которые обладают свойствами явлений, составляющих дуальную пару. Культурный процесс осуществляется в формах поляризации оппозиций и их трансформаций, соединения и взаимопроникновения. Эти идеи представляются нам очень важными, полагаем, они могут стать основанием размышлений о природе суда.

Концепция бинарности культуры дает возможность приблизиться к пониманию того, что объединяет все многообразие форм бытия суда как культурного явления. Этим объединяющим основанием является его способность быть медиатором, в первую очередь, конфликтных человеческих отношений.

Суд выступает в качестве посредника между сторонами, а значит, является тем элементом связи между ними, который одними свойствами совпадает с одной стороной, а другими свойствами – с другой. Этими свойствами становятся информация о конфликте, процедура оперирования ею, способность судить о том, что составляет суть притязаний обвиняющей стороны, а также знание, что другая сторона отвергает эти притязания и почему. Наконец, само решение, выносимое судом: оно определенным образом, но по-разному, соотносится с одной стороной и с другой, их интересы только в идеале совпадают друг с другом, но обе стороны оказываются вынужденными это решение принять. Выполняя социокультурную роль посредника конфликтных отношений, суд либо снимает оппозиционный характер последних, либо меняет качество сторон конфликта (когда притязания стороны обвинения признаются, она наделяется качеством правоты, а тот, кто был объектом обвинения, становится виновным) и разрешает его в форме принятия соответствующих мер воздействия.

Однако что важно: совпадая определенными свойствами со сторонами конфликта, суд, как посредник, *не* совпадает ни с одной из них полностью. Именно поэтому становление феномена суда связано с процессом институализации, приобретением в ходе него властных полномочий и качества органа государства. Суд становится способным «говорить от имени *всеобщего*» в ситуациях, имеющих свой *особенный* характер, и опосредуя отношения *единичных* субъектов правоотношений.

Таким образом, существование суда в качестве посредника конфликтующих сторон раскрывает природу данного феномена лишь в первом приближении. Более глубокий уровень постижения его сути заключается в понимании суда как явления, опосредующего связи и в то же время устанавливающего, по словам П. Рикера, «справедливую дистанцию» между преступлением и наказанием, правами и обязанностями, социальными смыслами и правовыми, и, наконец, между единичным и всеобщим как бинарными оппозициями культуры. Мы вполне согласны с Г.Б. Власовой, кото-

рая совершенно справедливо отмечает: «Главной фундаментальной функцией суда является предметная реализация опосредствования всеобщего и единичного, нормативного и ценностного, обычного и универсального аспектов социальной реальности» [6, с. 88-89].

Область единичного, на которую опирается суд, образуется действиями конкретных юридических и физических лиц, посягательством одних на частные интересы, права и свободы других, на саму меру свободы, выраженную в праве и зафиксированную в законах. Область всеобщего конституируется правовыми нормами и законами, определенными законодателем. Суд связывает области единичных действий, притязаний и оценок, а также правовых норм и законов, подводит под первую область всеобщие основания и реализует установления всеобщего в конкретных, единичных решениях. Следовательно, осмысление суда в контексте теории бинарного строения и развития культуры позволяет прийти к пониманию того, что суд в своем объективно-реальном существовании встроен в механизм развертывания бинарных оппозиций культуры. Посредством перехода от одной оппозиции к другой и, наконец, к фундаментальной оппозиции единичного и всеобщего, раскрывается природа суда как культурного явления.

До сих пор мы обращались к осмыслению онтологических, бытийственных характеристик суда. Со своей феноменологической стороны, то есть под углом зрения форм существования и их отображения в формах сознания суд можно рассматривать как суждение, в которое оформляются притязания и возражения сторон, свидетельские и экспертные показания и доказательства, решение самого суда. Суждение суда о деле представляет собой форму конкретизации суждения законодателя о праве и о нормах права, выраженных в законе.

Обоснованием высокого значения суда в человеческом мире, ценности его как феномена культуры является справедливость, которая качественно близка суду, однородна с ним, ибо также как и суд выступает прежде всего в форме суждения. «Справедливость, – пишет Дж. Роллз, – это первая добродетель общественных институтов, точно так же как истина – первая добродетель систем мысли. Теория, как бы она ни была элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы» [7, с. 19].

Выступая как добродетель, суждение и свойство поведения, справедливость не есть объект, существующий рядом с другими объектами, не есть просто процесс или отношение. Она представляет собой *качество* отношений, складывающихся между людьми и в обществе. Это качество воспринимается как ценность и определяется суждениями о соотношенности деяний одних с деяниями других, о должном и желанном (и их проекции в сущем), о возможностях, которые есть в дифференцированном обществе у отдельных его членов или групп. Данное суждение уповает на способность суда быть одним из важнейших институтов восстановления попорченной справедливости и утверждения ее идеала в целом. Совокупным субъектом этого суждения является человечество в целом. Важнейшей проблемой процесса, в ходе которого оно разворачивается, является формирование способности суждения у конкретных носителей этой субъектности. Такая способность не выращивается насильно и согласно рецептам или пожеланиям.

Следует отметить, что концепция бинарности культуры позволяет лучше понять природу не только суда, но и метафорического сознания, отображающего данный феномен, механизм образования метафоры, ее роль в качестве начала познавательного процесса. Логика создания культурных метафор есть своеобразная «логика медиации». Она предполагает перенос смыслов, формирующих образ уже освоенный сознанием на явление только обнаруженное, но не раскрытое в его существенно важных характеристиках. Поэтому метафора в определенной мере присваивает явлению некие свойства (улавливая относительную эквивалентность связываемых образов и объектов). Она существует благодаря человеческой способности к воображению, но помогает осмыслению реального явления.

В определенном смысле метафора Высшего суда воссоздает подлинную реальность феномена суда, существующего в глубокой древности в форме предпосылок, а в более поздние времена – в форме становящегося и ставшего явления. Сложные, изысканные образы и мифологически запутанные сюжеты, составляющие содержание метафорического концепта, конечно, являются продуктом осмысления древним и современным человеком того, что есть суд. Однако представляется, что метафора Высшего суда не так проста, как могло бы показаться сначала. То же можно сказать о метафорических концептах Вселенской справедливости и Суда совести.

По существу, образ Высшего суда есть «перевернутая» форма представлений о суде, который мог бы вершить человек над самим собой, это своеобразный «метод» оценивания человеком самого себя, своих дел, устремлений, целей, способов их достижения. Смысловая область этой метафоры имеет как бы два этажа, два вектора развития – один ориентирован метафизически, другой – антропологически и в то же время личностно. Метафизический вектор связан с рефлексией совокупного субъекта, коим является человечество в целом, о том, что есть мир, каковы принципы его организации и место человека в нем. Антропологический (личностный) вектор связан с «вычерчиванием» образа человека и стремлением мыслящего и переживающего индивида понять себя как нравственное существо, как дееспособного, а значит отвечающего за свои поступки, субъекта. Все эти уровни процесса понимания и переживания мира – человека – самого себя осуществляются в сложной образной форме.

Первый (метафизический) этаж смысловой области данной метафоры тесно переплетается с концептом Вселенской справедливости, второй (антропологический и личностный) плавно перетекает в метафору Суда совести. Следует заметить, что метафоры суда не изолированы друг от друга, не являются замкнутыми и автономными семиосферами. Их взаимосвязи характеризуются, в сущности, процессом переноса, с которым связано существование феномена метафоры в целом.

Метафорический концепт Вселенской справедливости строится на ощущениях и идеях космического порядка, из которых вырастает идеал правосудия. Высшей точкой развития этого идеала и одновременно способом его постулирования становится идея Высшего суда. Бог есть тот высший субъект, который вершит справедливость, раздавая «каждому свое». И вера в Бога – это вера в высшую справедливость. В то же время Божий суд – это поистине страшный суд, он пугает своей перспективой. «“Страшный суд” в том и состоит, – пишет О. Фрейденберг, – что он имеет непредвиденный итог: на нем судятся жизнь и смерть. Поэтому «суд» и «судьба» совпадают как метафоры смерти. Судья – сам бог, податель жизни, с одной стороны (Иегова, Озирис), царь преисподней – с другой (Эриннии, Плутон). Это первоначально борющийся космический тотем; его тяжба с «врагом» смертью, заканчивается победой одного, гибелью другого; тот, кто жив, «победитель» [8, с. 91].

В силу глубокой важности и «практических следствий» божественного суда человеку надо оглядываться на себя, обзирать свои дела и помыслы, потому что Бог воздаст ему по заслугам. Так сформировался метафорический концепт Суда совести. Им отображается состояние утраты человеком внутреннего единства, когда душевная целостность как бы раскалывается на части. Борьба «половинок» является столь ожесточенной, что становится похожей на судилище. Есть ли противоречие между существенными сторонами реальности суда, отраженными в формах теории, и метафорами суда, между двумя сформированными самой культурой подходами к осмыслению рассматриваемого феномена? Безусловно, есть *различия*, которые значимы и для повседневной жизни человека, и для науки. Эти различия важны, ибо позволяют «увидеть» в феномене суда многие стороны его природы и его роли в жизни человека, а потому они необходимы.

Безусловно, «бросающимся в глаза» отличиями является форма выражения теоретической мысли, с одной стороны, и метафорического концепта, – с другой. Важным является также различие в степени постижения объекта: теоретическое сознание сфокусировано на выявление сущностных, объективных характеристик явления, в данном случае феномена суда. Это выявление осуществляется в рационально сконструированном процессе исследования, ориентированном на как можно более полное соответствие целям и задачам познания.

Но в метафоре сопрягаются мысль и переживание, она побуждает к размышлению и к пониманию. Безусловно, метафора расширяет возможности познания, хотя следует осознавать, что познавательная функция развита в ней не столь мощно, как в понятии и теории. Она всегда является взглядом на мир сквозь призму переживаний и внутренних душевных установок личности, тех представлений и ожиданий, которые входят в состав интерсубъективного мира данной группы или социума. Поэтому лучше рассматривать метафору как способ не столько познания, сколько духовного освоения действительности.

Метафорические концепты суда не сориентированы на исследование объективных свойств и характеристик предметной области отображения. Метафоры в большей мере акцентируют момент поляризации культурной оппозиции единичности и всеобщности. Тем не менее, момент связи этих сторон оппозиции уже фиксируется в образе Высшего Судьи, отождествляющем человеческую способность к суждению и способность верховной власти осу-

ждать и вознаграждать, а также в образе человека, мучаемого совестью. Поэтому с помощью образов, которые уходят корнями в более глубокие слои сознания (психики), нежели юридические понятия, – эти метафоры оказываются способными очертить контуры существования феномена суда, и что важно, «схватить» некоторые параметры его сути. Этому способствует «логика медиации», которая сознанию, использующему воображение, хорошо знакома.

Метафорические концепты суда опираются на смысловые структуры, связанные с более широким кругом явлений, нежели структуры правовой мысли. Они обращаются не только к правовым, но и нравственным отношениям, к осмыслению мира, его устройства и места человека в нем.

Итоговый вывод заключается в акцентировании необходимости рассмотрения феномена суда с разных позиций. Важно опираться не только на традиционные для юриспруденции, но и на культурологические подходы к его осмыслению, изучать не только теоретические, но и метафорические отображения данного феномена общественным сознанием. Такой подход является актуальным в современной теории культуры, для которой *всестороннее* постижение культурных феноменов сегодня становится приоритетом исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, Исследования, заметки. СПб., 2000.
2. *Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
3. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. III. М., 1991.
4. *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М. 1998.
5. *Панов В.Г.* Эмоции, мифы, разум. М., 1992.
6. *Власова Г.Б.* Социокультурная легитимация институциональных форм правосудия. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007.
7. *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
8. *Фрейдберг О.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

REFERENCES

1. *Lotman Y.M.* Culture and explosion. Inside minded worlds. Articles, Research, notes. St. Petersburg, 2000.
2. *Levi-Stross C.* The primitive thinking. Moscow, 1994.
3. *Akhiezer A.S.* Russia: a critique of the historical experience (Socio-cultural dictionary). Т. III. Moscow, 1991.
4. *Pelipenko A.A., Yakovenko I.G.* Culture as a system. Moscow, 1998.
5. *Panov V.G.* Emotions, myths, mind. Moscow, 1992.
6. *Vlasov G.B.* The socio-cultural legitimation of institutional forms of justice. Rostov-on-Don: of SFU. 2007.
7. *Rawls J.* Theory of Justice. Novosibirsk. 1995.
8. *Freudenberg O.* Poetics of plot and genre. Moscow, 1997.

Российская академия правосудия (Ростовский филиал) 14 апреля 2013 г.